

Остановившие смерть

[В Музее трудовой славы АО «АЭХК» состоялось мероприятие, на котором действующие сотрудники комбината и студенты Ангарского индустриального техникума отдали дань уважения 17 ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС.]

В далеком 1986 году их, смельчаков, рискнувших жизнью и здоровьем ради того, чтобы залечить страшную радиационную рану на Украине, в Ангарске было 2 000 человек. Из них 70 - работники АЭХК. Атомщики, как никто другой умеющие обращаться с ураном, одними из первых были направлены в пекло Чернобыля. Но даже они вначале не представляли, с какими масштабами заражения им предстоит иметь дело.

Стандартная командировка длилась два месяца. И у каждого они навсегда свои. Дозиметристы, водители, строители, медики и даже повара. Все они по-своему запомнили ужас зараженной земли. Все рисковали жизнью. Каждый из них, безусловно, достоин награды и уважения.

Исполняющая обязанности заместителя генерального директора АО «АЭХК» по персоналу Анна Корнакова вручила каждому из 17 ликвидаторов благодарность от руководства комбината. Ну а профсоюз, как и положено, по случаю 30-летнего юбилея чернобыльской аварии (если к печальной дате применимо это праздничное слово) выдал премии.

В качестве культурной программы ликвидаторы посмотрели фильм, снятый в прошлом году к 100-летию первого директора АЭХК Виктора Новокшенова (именно при нем, кстати, и проходили отправки в Чернобыль). А на следующий день некоторые из них встретились с учащимися «Росатом-класса» лица №2.

Иван Михайлович Камнев в 1986 году на АЭХК работал руководителем группы дозиметристов и одним из первых поехал на ликвидацию аварии.

- Масштаб катастрофы тогда мало кто осознавал, и, по сути, мы не знали, куда ехали. Но на месте быстро сориентировались, ведь у нас с собой были приборы, - говорит Иван Михайлович. - Мы жили в ста километрах от самого Чернобыля, и на станцию нас возили на автобусе, полностью обшитом свинцовыми пластинами - они не пропускали радиацию.

Два месяца я работал в отделе дозиметрического контроля и составлял так называемую карту местности: где и сколько «фонит». Приходилось заезжать в зоны с показателем в 60 рентген на бронированном танке, поэтому более 20 рентген я не хватал. Когда мы с коллегами



Каждому из 17 ликвидаторов вручили благодарность от руководства комбината. Профсоюз, по случаю 30-летнего юбилея чернобыльской аварии выдал премии

вернулись, Виктор Новокшенов дал нам неделю отдыха. Понимал, где мы работали.

Петр Алексеевич Комаров в 1986 году работал на АЭХК руководителем группы радиационной безопасности, он поехал на аварию в 1987 году.

- Когда с комбината отправляли в Чернобыль сразу после аварии, меня не оказалось в городе - я был в отпуске, поэтому поехал позже, - рассказывает Петр Алексеевич. - Работал со строителями, которые возводили защитный саркофаг. Моя работа заключалась в том, чтобы перед сменой замерять «фон» и распределять, кому, сколько и где можно работать. Честно скажу - мы, поехавшие в Чернобыль почти через год после аварии, были самыми подготовленными. Я сделал себе на работе индикатор излучения и только ему доверял.

Помню, приехал туда - все чай пьют. «Садись», - говорят. А стул оказался с мягким сиденьем. Я к нему - индикатор пищит. Тут же взял пачку газет, бросил на стул и только тогда сел. Мы моим индикатором все проверяли. Например, одеяла, которые нам выдавали. Самые «громкие» брать отказывались.

Ну а вообще даже через год «фонило» там почти все. Просто грузовик пылью обдаст - индикатор пищит, заливается. Поэтому мыться надо было обязательно каждый день. Мы вначале жили в поезде, где с водой была беда. А потом нас переселили в бывший детский сад за 15 километров от станции. Вот там уже проблем не возникало.

Со здоровьем, когда вернулся, проблем не было и нет. Думаю, потому что себя и коллег берег, зная об опас-

ности. А кто-то, несмотря на все увещевания, не понимал, что себя губит. Животные там уже почти все через год погибли. А вот рыбы было немерено. Многие ее ловили, сушили, жарили - и не боялись, ели. Как-то раз я эту рыбу проверил своим индикатором и ужаснулся: это была настоящая раковая бомба. И самое страшное, что люди этого не понимали и сами себя губили.

Александр Николаевич Протвень - водитель первого класса. В 1986 году работал на АЭХК в цехе ХИМ-1, поехал на аварию в первых рядах ликвидаторов в 1986 году.



- Я тридцать лет храню дома накопитель, который мне выдали в Чернобыле, - говорит Александр Николаевич. - Вот такой металлический цилиндр, который хранил всю информацию. Это не современный дозиметр, на котором можно увидеть, сколько облучения человек набрал. Накопители считывала специальная техника. И порой не обходилось без курьезов. Я работал водителем, и был у нас в бригаде Вася на КраЗе. Так вот, грузовик через два месяца работы списали как зараженный. А Вася вроде как даже опасную норму не набрал...

Мы были первыми ликвидаторами. И когда приехали, увидели не безжизненный город, а место, откуда только что ушли люди. В деревнях побросали собак, кур, коз. Животные, как неприкаянные, скитались по пустым дворам. Серые куры в серой радиоактивной пыли...

Навсегда я запомнил последний полет аиста над реактором. Мы с одним водителем-узбеком (люди на ликвидацию приехали со всего Советского Союза) подогнали машины на разгрузку к четвертому энергоблоку. Я сразу вылез из кабины и спрятался за гору гипсоблоков (через них все-таки меньше «фонило»). А он сидит, смотрит куда-то. Я ему говорю: «Ты чего сидишь? Прячься давай!» Он пальцем на реактор показывает. А там над самым «жерлом», где ничего живого и быть не может, где смерть, серый аист парит. «Эх, - говорит узбек, - совсем дурной. Как человек...»

Я после Чернобыля стихи писать начал. Хоть и водитель, а не поэт. Но что-то во мне поменялось тогда.

А еще помню дерево с часами. Нас сразу предупредили, еще на комбинате, что ничего с собой оттуда вывозить нельзя. Часы больше всего радиацию накапливали. Но их так жаль было оставлять, ведь в то время стоили они немало... Попытались отмыть «фон» в бензине, в ацетоне, но все впустую. И вот кто-то взял да и забросил свои часы на сосну. А за ним и остальные. Так появилось целое дерево с «плодами» из наручных часов. Страшное дерево...

Но люди везде одинаковые. Вот, например, работать на улице можно было только в респираторе, ведь все во-

круг было заражено. Снимать ни в коем случае нельзя! А как тогда, к примеру, курить? Так наши умельцы проделывали в респираторах дырки в аккурат под сигарету и курили. Да чего скрывать, несмотря на «сухой закон», выпивали порой. Ведь известно, что алкоголь выводит радиацию. И, по уму, его должны были в обязательном порядке давать. Но Горбачев решил, что пить нельзя. Даже там, где алкоголь (как это ни странно) был полезен для жизни и здоровья.

Много всего было там... Знаки желтые: «Радиация! На обочину не выезжать!», могильники для зараженной техники, пустые квартиры и сельские хаты. Помню, последние поразили нас до глубины души. На дворе 1986 год. У нас в Ангарске, как говорится, все блага. А тут - соломенные крыши, как при царе! Настоящая нищета. На ее фоне город Припять, конечно, выглядел очень современно. Как из будущего прямо.

То, что сейчас в разных компьютерных играх представлено, в книгах типа «Сталкера» пишут, никакого отношения к настоящему Чернобылю не имеет. Там было много работы. И не до «приключений».

Когда строили саркофаг вокруг четвертого энергоблока, требовалось море бетона. Здания станции просто бетонировали целиком: выбивали окна и закачивали внутрь бетон по трубам. Делал его завод, который собирали на месте за шесть (!) суток.

Трубы подвозили поездами в лесовозных вагонах. Соединяли и гнали по ним бетон, пока труба не забивалась намертво. Ее тут же отправляли в «могильник», а на ее место ставили новую. Работали в три смены, не останавливаясь ни на секунду. Были участки, где разрешалось работать только по часу в день, а кое-где и по 15 минут.

Когда я приехал в Ангарск, то никакого представления о том, что с нами, ликвидаторами, делать, у врачей не было. Медосмотр прошел, получил неделю отгула и путевку в Сочинский санаторий. А потом вышел на работу. На АЭХК проработал 21 год. И уже в 2005 году, став пенсионером с кучей болячек, решил оформить себе инвалидность. Оказалось, опоздал. Инвалидность чернобыльцам можно было без проблем оформить до 1996 года. А потом уже нет.

Так что государство, конечно, не лишком-то о нас заботится. Ну а комбинату спасибо. Материально нас поддерживают. И не забывают поздравлять к годовщине Чернобыльской трагедии.

[Яна АРХИПОВА, фото автора]